

Книги Юрия Погуля
в серии
**ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК**

**КОМПАС ЧЕРНОГО КАПИТАНА
МЕСТЬ ЛЕДОВОЙ ГОНЧЕЙ**

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ЮРИЙ ПОГУЛЯЙ

**МЕСТЬ
ЛЕДОВОЙ ГОНЧЕЙ**

РОМАН

Москва, 2013
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
П43

Серия основана в 1992 году
Выпуск 866

Художник
В. Аникин

Погоуляй Ю. А.

П43 Месть Ледовой Гончей: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013. — 375 с.: ил. — (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-1589-2

В Пустыне, среди торосов и вздыбленных льдин, под всепрощающим снегом хранится множество тайн. И кому, как не ледовому корсару, знать о них? Главные герои — юноша-эмпат и его друг, бывший ворюшка из блуждающих городов, — волею судьбы оказались на борту пиратского судна и теперь обречены на приключения. Их ждут падшие шаманы и демоны льдов, следы погибших цивилизаций и покой удаленных форпостов, шпионы таинственного братства и опустившиеся на самое дно легендарные герои. Но когда рядом друг — все не так уж и плохо.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1589-2

© Погоуляй Ю. А., 2013
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013

Часть I

СОМНЕНИЯ

Глава первая

ДЕМОНЫ НИЖНИХ ПАЛУБ

Бродун взревел. Возмущенный голос косматого гиганта прокатился по снежной пустыне. Зверь высотой двадцать футов, не меньше, неуклюже пятился от окружающих его людей и недоумевал — как в такой прекрасный солнечный день ему довелось столкнуться с наглыми коротышками. Могучий нос-хобот, способный пробивать многовековой лед в поисках пищи, метался из стороны в сторону, будто указующий перст, нацеливаясь то на одного моряка, то на другого. Крохи, окружившие бродуна, пугали пустынного странника. От них пахло шкурами мертвецов и грязью, и кроме того они делали ему больно.

В Пустыне вновь громыхнул выстрел дальнобоя. Обиженно взвывая, покрытый белоснежным мехом исполин попятился и сделал прыжок в сторону, мечтая оставить обидчиков позади. Толстые лапы подняли в воздух ледяную крошку, сверкнувшую в свете солнца.

Если бы у него хватило смелости и ума — он мог в считанные мгновения растоптать пиратов-охотников, которые с азартными криками гнали снежного великана на смерть.

Мне стало его жалко.

Зверь, испуганно прижимая лохматые уши и прихрамывая, поспешил прочь от полукольца загонщиков. Наверняка он уже сто раз проклял себя за то, что не сбежал, когда из-за гряды торосов выполз трехпалубный гусеничный корабль. Бродун мог скрыться, когда ледоход остановился и с него спустили лайар. Могучие лапы унесли бы пушистого гиганта далеко-далеко от тархтящей крохи, пока та ползла по без-

ветренной ледяной глади, загоняя жертву в тиски меж двух кораблей, но мохнатый зверь лишь проводил ее настороженным взглядом.

Зря...

Теперь же люди гнали глупого странника Пустыни напрямиком к лайару, на носу которого двое моряков привели в готовность бортовой метатель и ждали, когда дичь окажется в пределах выстрела. Двигатель кораблика молчал.

Среди сверкающих под ярко-синим небом льдов раздался еще один выстрел. На огненный порошок капитан сегодня не скупился, и я его понимал: мясом бродуна, хоть и жестким, можно целую неделю кормить команду. Хотя, может, и больше? Никогда не задумывался об этом.

Истинные хозяева Пустыни — маленькие, беззащитные для мороза люди — успешно гнали раненого зверя напрямиком на спешно организованную засаду. Мне казалось, что на лайаре-то можно было избежать ненужной возни, но скучный корабельный быт настолько достал моряков, что те с радостью приняли участие в «охоте».

— Бауди, чего встал? — одернул меня ворчливый голос Полового. Старший матрос наблюдал за травлей бродуна, облокотившись на очищенные ото льда поручни. Он задумчиво коснулся жуткого шрама на месте правого глаза. Из-под обледеневшего шарфа поднимались облачка искрящегося пара. Металлическая сетка окуляра, прикрывающего здоровый глаз, покрылась инеем. — Работай, а то замерзнешь!

Я послушно взял увесистый ломик и принялся сбивать лед с обшивки. Половой прав: я уже чувствовал, как холодные пальцы мороза пробираются под парку. Руки в огромных меховых варежках тоже стали замерзать. Несмотря на то что сегодня над Пустыней царил чудесный безветренный день (надо сказать, большая редкость), весенний холод куда не делся, и работа — лучший способ согреться. Сверху донесся гулкий лязг: там несколько инструментариев колдовали со странным механизмом, который все почему-то называли «папочкой». Вечно сокрытый чехлом, он был для меня одной из самых больших загадок «Звездочки».

Глаза, хоть и защищенные сетчатыми очками, уже заболели от яркой белизны солнечной Пустыни. Так что к очистке хода я вернулся с облегчением.

Зазвенел металл, откалывающий наросший лед. Позади опять взревел бродун, на сей раз с нотками паники. Стиснув зубы, я продолжил работу. Не выйдет из меня охотника, никогда не выйдет. У меня сердце щемило от жалости к зверю, так неудачно столкнувшись со «Звездочкой». Но оспорить приказ капитана — это слишком смело для простого юнга. Поэтому оставалось лишь затолкать чувства куда подальше и посвятить себя работе.

Бродуны — очень красивые звери. Величественные, неторопливые корабли ледовых морей. Четыре лапы-столба, мохнатое, сильное тело и длинный, невероятно пушистый хвост. Мощная шея, вытянутая морда, заканчивающаяся твердым хоботом, и маленькие, грустные, черные глаза-угли.

Ирония судьбы — этим красавцам не страшны даже снежные львы, а вот люди... Мягкие, беззащитные перед клыками хищников люди — самый опасный враг.

Мне представилась жизнь бродуна. Степенная, размеренная. Неторопливые поиски сероватого льда (как раз под таким часто находились колонии волокунов, забывающих свои пещеры рыбой). И бесконечное путешествие от горизонта до горизонта, озаренное почти не греющими лучами солнца или же проходящее под колючими ударами вьюги, среди древних торосов и по снежным мостам над расщелинами. Знаете, иногда я ловлю себя на мысли о том, что этот мир был создан прежде всего для животных. Люди появились позже. И хоть легенды утверждают о первородности человека — мне кажется, все было совсем не так.

Взять хотя бы красный лед.

Белый кусок откололся, обнажив черный металл обшивки с ребристыми вкладками для удобной ходьбы. Я ногой толкнул обломок вниз, пропихнув между прутьями ограждения, и он гулко ударил по проходу следующей палубы, брызнув осколками. Ничего. Мне все равно потом внизу работать придется. Скину и оттуда.

Так вот... Красный лед. Людям он ничем не поможет. Этот мох (или растение?) пронизывающий многие ярды замерзшего панциря, можно попытаться сварить, но есть его все равно невозможно. А вот снежные олени, с невероятно вкусным мясом, держатся поближе к алым полям, облюбовав их себе как пастбища. Но изначально же это был про-

сто лед. Просто то, что уходит напрямик в океан. При чем здесь, казалось бы, люди?

Или взять тех самых волокунов, живущих в толщах льда и редко выбирающихся наверх. Обладатели вонючего, противного мяса оказывались на столе людей в качестве пищи только в самые голодные дни, когда давно уже съедено все, что можно было съесть. Я слышал, что даже ледовые волки брезгуют охотой за подснежными жителями. Зато их рыбные хранилища, сокрытые в белой твердыне, — лакомая награда для бродунов. И получается, что волокуны были созданы для бродунов. Только те и разоряют холодные кладовые подледных обитателей.

Если задумываться дальше, то можно предположить, что бродунов и оленей боги сотворили для людей, а вот волокунов и алый мох — для бродунов и оленей. Рыба же и морская вода предназначались именно волокунам... Но это же безумная цепь, если вспомнить обо всех обитателях льдов. Все эти связи, кто кого ест и зачем, — не слишком ли сложно для разумного созидания?

Надо льдами пронесся предсмертный вопль бродуна. Могучая гарпунная пушка на лайаре осечек не знала.

— Все, поймали, — сказал Половой. Он отлепился от поручня. — Теперь ждем ежедневного варева от мастера Айза. Бродунина с бродуниной, на бродуновом бульоне.

Я улыбнулся, почувствовав, как царапнул губы шерстяной шарф. Кок ледохода «Звездочка» не слишком усердствовал в разнообразии меню. Главное, чтобы еда просто была. Вотчина пухлого весельчака находилась на второй палубе. Место сборищ и раскаленных плит. Если хотите забыть о бесконечной зиме — добро пожаловать на жаркую кухню Валли Айза.

Сам кок работал на ней почти голышом, вечно мокрый от пота и с жизнерадостной улыбкой на круглом лице. По-моему, он был одним из первых корсаров, кого я увидел, выбрав путь юнги.

— Давай, Бауди, поторопись. И не забудь потом прибраться там. — Половой кивнул на проход второй палубы. — А то уже нагадил.

— Хорошо!

Охотники тем временем принялись разделять тушу

бродуна. Стараясь не смотреть в их сторону, я продолжил крайне интересную работу «настоящего моряка». Вообще когда только оказался на борту «Звездочки», мечтая о далеких странах, я сразу отметил идеальную чистоту. Теперь мне, новичку, доподлинно известно, сколько сил нужно потратить, чтобы добиться такого порядка.

И кто этим должен заниматься.

Первые несколько недель я даже разгибался с трудом. Пояница, спина, руки, ноги — у меня болела каждая мышца, каждый сустав. С утра до ночи я и мой друг, беглый воришка Фарриан ан Лавани, «знакомились» с недрами трехпалубного ледохода «Звездочка» при помощи тряпок, щеток, скребков и прочих инструментов уборки. Мастер Половой, старший матрос, поставленный над нами, гонял нас без жалости и какого-либо душевного трепета. Я бы даже сказал — нам доставалось больше остальных.

Но справедливости ради надо отметить: почти все моряки палубной команды частенько проводили время на карачках, драя коридоры и жилые залы. За исключением, разумеется, офицеров. Так что ничего постыдного в этом не было. Казалось бы.

Одной из первых истин мне открылось следующее: палуба на корабле — это государство в государстве. Со своими порядками, традициями и таящимися в темных коридорах демонами.

Когда я закончил наконец расчищать дорожку и спустился по внешнему трапу вниз, чтобы не проходить бесконечных коридоров «Звездочки», — тархтящий лайар привез последнюю партию нарубленного мяса. Моряки, перепачканные замерзшей кровью, возились у кормы ледохода, подготавливая суденышко к погрузке. Скрипел кран, звенели цепи, а внизу радовались тяжелому и удачному дню свежеиспеченные охотники.

Я прошелся по проходу второй палубы, сбросив вниз обломки льда, и побрел к ближайшему тамбуру. С работой покончено, и если меня не поймает кто-нибудь из старших матросов — можно отобедать и спокойно предаться праздному отдыху в кубрике палубной команды.

Штурвал, отпирающий дверь в тамбур, загудел, проворачиваясь, и я шагнул прочь из ледяного мира в обитель тепла.

Именно так пару месяцев назад мы с Фарри ступили на борт корабля, еще не зная, что судьба закинула нас к лихим владельцам Пустыни — ледовым корсарам.

Не могу назвать это время плохим. Отнюдь. Здесь я никому не был *должен*. Да, много работы. Но это работа, это труд, это справедливо. А то, что скучно... По мне, лучше поскучать, чем вернуться в те дни, когда надо мною висели тени Звездного Головача и пьяницы Эльма. Когда я оказался заперт в снежном городке и с ужасом ждал появления слуг Черного капитана, идущих по моему следу.

О том, чем занималась «Звездочка», я трусливо старался не думать. Был случай, полтора месяца назад. Обычный день вдруг преобразился. Ледоход встал, старшие матросы пробежали по палубе, запирая люки наружу и на другие уровни, а Половой собрал нас в кубрике и тщательно следил, чтобы никто не отлучился. Одноглазый корсар нервно теребил ключ от оружейного склада и вслушивался в рокот двигателей. Пираты палубной команды нервно шутили между собой и тоже ждали, пока ледовые штурмовики капитана «договариваются» с владельцем пойманного судна. Кто-то надеялся, что сделка полюбившей не будет и абордажникам потребуются помощь (тогда в руки палубников попадет оружие). Кто-то, как и я, боялся.

Грохот моторов, свет шаманских фонарей над головами и напряжение, страх перед схваткой — я помню те ощущения. Мы не могли даже посмотреть, что происходит снаружи, — иллюминаторы были только в некоторых каютах штурмовиков на первой палубе да в рубке капитана. Обхватив колени руками, я сидел и молился всем богам сразу — и Темному и Светлому, — чтобы драка прошла без нашего участия. Вернее, без моего участия, хотя и понимал, что нет никакой разницы, возьму я оружие в руки или нет. Я — корсар. Тот, кто живет за счет чужого горя. Дело совсем неблагородное. Тогда мне хотелось как можно быстрее сбежать с корабля. Но вокруг на многие десятки миль не было ни единого поселения.

В тот раз обошлось. Капитан пойманного ледохода откупился частью груза и ушел, а мы, просидевшие в напряжении несколько часов, выползли наружу, чтобы перенести захваченное добро на корабельные склады. Ни капли крови не

пролилось на ослепительный снег. Никто не остался лежать среди безжизненных льдов.

Но то было в тот раз...

Потом мы почти месяц простояли в Пустыне, в стороне от путевиков и проложенных трактов. Трехпалубный шапп спрятался в расщелине, подальше от чужих глаз, и ждал какого-то определенного груза. Старое место встречи, как с тоской звали его моряки.

Несколько дней назад к укрытию подошел черный шапп и выгрузил на снег три сотни мешков с зерном. Капитан «Звездочки» Аргаст Дувал по прозвищу Гром очень долго торговался с косматым, похожим на медведя командиром черного судна. Я наблюдал за этим с палубы, ежась от пронизывающего ветра. Ощетинившиеся оружием абордажники обеих команд стояли друг напротив друга, и посреди этой молчаливой угрозы резко жестикулировали два здоровяка. Торг длился около часа, и после того как владельцы кораблей ударили по рукам, мы спустились за грузом и оттащили его на теплый склад.

Интересно, откуда взялось столько зерна? Неужели там, на юге, есть такие большие теплицы?

Впрочем, это было несколько дней назад, и теперь мы двигались куда-то на юг, делая остановки вроде той, что сейчас. Теперь мы действительно были вольными бродягами Пустыни.

Не могу сказать, что мне это не нравилось.

«Кошки» повисли у меня на плече, дверь на вторую палубу отворилась, и я очутился в царстве теплых запахов. Этот тамбур выводил прямоком на кухню мастера Айза, большую часть времени колдующего над плитами. Ароматы сырости, варева, нечистых тел и острых ноток энговых смесей кружили голову. В прямом смысле. Затхлый зал, проветривающийся очень редко, посреди которого нахохлились плиты кока, был окружен лежаками механиков корабля, — а этот народец зазря не мылся, справедливо полагая, что все равно придется испачкаться.

Поначалу запах кухни был истинным испытанием, но со временем я привык. И сейчас, стоя в воняющем зале с низким потолком и переборками (чтобы беречь тепло от плит и

печей), думал о том, что раз время ужина уже пришло, то можно заглянуть к корабельному коку за миской баланды. Грубое, конечно, словечко. Да, мы частенько ворчали на старину Валли, но исключительно в дань традиции. Готовил он на самом деле очень вкусно.

— Мастер Айз! — окликнул я здорового кока, работающего, как водится, с голым пузом и со смешным колпаком на бритой голове. — А можно...

— О! Бауди! Не можно, а нужно! — Он обернулся, махнул рукой, в которой был зажат половник, в сторону стоящего у плиты подноса. — Бери и дуй к шаману, понял? Пусть оно пожрет, да?

Я сокрушенно вздохнул, но спорить не стал. Юнга делает все, что приказывают старшие матросы или офицеры. Валли Айз, как кок, принадлежал к касте последних.

— Я тут «кошки» оставлю с паркой?

— Оставляй, чудо. Поторопись, остынет!

Он забыл про меня в ту же секунду, как я коснулся подноса. Работы у кока хватало.

Корабль содрогнулся, взревел и тронулся с места. Звякнула посуда, сваленная горой в мойке, задрожали кастрюли и чаны, сложенные в нависающий над плитой отсек. Я пошатнулся, схватившись за стол.

— Дранный демон, — сорвалось с губ.

Меня ждала нижняя палуба.

Как я уже говорил, каждый уровень пиратского шаппа — это свой, особенный мир. Есть первая палуба, вотчина офицеров и ледовых штурмовиков, украшенная коврами и диковинными шкафчиками из дерева. Всегда светлая, всегда тихая, если плотно прикрыты двери в небольшой тренировочный зал. Трехместные каюты абордажников, отдельные покои офицеров — постоянный двор на гусеницах, а не боевая палуба. Чуждый для простого моряка мирок с отдельной отопительной котельной.

Из палубной команды наверху чаще всего бывали стюарды. Самая замкнутая и оторванная от простых пустынников группка. У нас в общей зале спал только один из них — старший матрос Ворчун, остальные держались поближе к офицерам, прикрепленные каждый к своему «хозяину».

Стюардов в команде недолюбливали. Может быть, из за-

висти, а может быть, из-за очевидного примера, как может извратиться вольная жизнь странника Пустынь. Был ты свободным человеком — и вдруг стал личным рабом какого-нибудь головореза. Пусть еда лучше, работы меньше, но ты себе уже не принадлежишь. Ты — стюард.

Меня передергивало от перспективы оказаться среди офицерских слуг. Вторая палуба казалась мне значительно милее. Все ее запахи, все шумы, темные закоулки и старые топчаны общих залов были частью мира простого моряка или техника. Здесь всегда бурлила жизнь. Даже ночью. Слышались беседы у печек. Шатались по темным коридорам обходчики или ремонтники. В столовой, неподалеку от кухни мастера Айза, постоянно торчал кто-то из ледовых штурмовиков, соскучившихся по общению с «простыми людьми».

Первая, вторая палубы — вот она, корабельная жизнь. Настоящая. И в пик у нее существовал нижний уровень «Звездочки».

Я остановился на последней ступеньке трапа, ведущего в темный коридор технической палубы. Ненавижу это место и считаю его самой зловещей частью корабля. Царство грохота, с которым не справлялась даже усиленная обшивка перегородок. Я чувствовал, как ядра в двадцати от меня, за могучими боками шаппа, перемалывают вековой лед огромные траки. Судно тряслось и подрагивало из-за неровностей Пустыни, и ему вторило тихое позвякивание крышки на кастрюле да дрожь зубов.

«В этой темноте кто-то есть».

Я сошел с трапа в пахнувший маслом и гарью мир корабельных механиков, оказавшись на территории мрака, затхло-го воздуха и резких звуков. Очень странное место облюбовал себе старый корабельный шаман. Нездоровое. Перехватив поудобнее поднос, я с тоской посмотрел вперед, туда, где кончалось пятно света от фонаря и начиналась тьма. Вдоль коридора тянулась труба отопления, покрытая старыми тряпками.

Пол под ногами дрожал, и я шел очень аккуратно, ожидая в любой момент резкого толчка или удара. Позади сквозь переборки доносился грохот расположенных на корме двигателей.

Балиар ан Вонк — самый чудаковатый человек на борту

«Звездочки». Даже полубезумные инструментари, большую часть дня проводящие здесь, среди механизмов, предпочитали спать на второй палубе, где грохота моторов еще можно научиться не замечать (хотя, несмотря на многослойные перегородки, гремело там сильно).

Старый шаман почти никогда не покидал черной палубы.

Оказавшись на границе света и тьмы, я перевел дух. Теперь поворот направо. Там будет безлика дверь в технические помещения и узкий закуток, в котором должен гореть фонарь. Если он еще работает — хорошо. Если нет, то на ощупь в закуток и вдоль стенки налево, дальше — переход в другой коридор. Там будет еще один, и я его увижу, если не погас фонарь. Инструментари дотошно проверяют каждый механизм на своей палубе, следят за любой мелочью, связанной с сердцем корабля. Однако освещение коридоров к их интересам не относится. Капитан Аргаст Дувал как-то умудрился заставить их самостоятельно убирать свои проклятые коридоры, чтобы держать палубную команду подальше от секретов инструментариев, но вот битву за фонари вне технических лабиринтов проиграл. Так говорили в кабаке «У Полового» (как в шутку называли печь посреди жилого зала простых моряков, у которой постоянно грелся кто-то из старожилов и с охотцей делился жуткими историями да легендами «Звездочки»).

Одна из страшных сказок гласила, будто на третьей палубе обитают души погибших моряков. Тех, кто настолько прикипел сердцем к бывалому шаппу, что даже после смерти оставался на борту. Меня страшилки не трогали. Опыт подсказывал, что от живых гораздо больше неприятностей. И я с большей радостью встретился бы в темном коридоре с духом мертвого моряка, чем с тем, кого увидел в проходе к каюте шамана.

Под мерцающим фонарем, прислонившись к переборке, стоял ученик Балиара — Зиан ан Варр. Тощий, как древко алебарды, в роскошной распахнутой шубе. Вытянутое лицо с надменно поджатыми губами, темные провалы пустых глаз с вечно розоватыми белками от пагубного пристрастия к алому камню.

Он о чем-то переговаривался с механиком, лицо которого было тщательно обмотано грязными тряпками, а глаза скры-

вали огромные защитные очки. Инструментарий явно хотелось уйти подальше от скучающего Зиана, но он терпеливо изображал интерес к беседе.

Ан Варр — один из демонов «Звездочки». Желтое пятно на свежеснеженном снегу. Избалованный лицемерный ублюдок, которого ненавидела большая часть палубной команды и опасались механики. Лихих штурмовиков он задирать не смел, а при офицерах имел вид придурковатый и благоразумный. Ему хватало ума не нагнать и держать себя в руках, и потому меня колотило от бессильной ярости, когда я видел Зиана в компании с кем-нибудь из власти предрежащей на корабле пиратов.

Было в нем что-то необъяснимое, что-то такое, чего нельзя описать словами. Удивительно, но он ни разу не задевал меня. Ни разу не трогал, но я его ненавидел. Просто за то, что он был. Досадное, глупое чувство. И даже сейчас я не могу понять, отчего оно тогда возникло так ярко, так невыносимо важно.

Надо сказать, что Фарри на тот момент уже как-то получил свою дозу подлости от «привилегированного» пассажира. Не сильно, не очень обидно, обошлось внеочередными работами на гальюне. Такими незначительными достижениями могли похвалиться немногие палубники. Обычно расплата за шалости молодого шамана была куда строже. Кое-кто при виде Зиана вздрагивал и прятал глаза, вспоминая что-то из прошлого. Историй этих никогда не рассказывали в нашем «кабаке». Но они всегда были где-то неподалеку.

У печки Полового говорили, что когда-нибудь капитан узнает о бесчинствах юнца, говорили, что тогда все станет иначе. Но люди опытные, пересекающие Пустыню уже не один год, лишь хмыкали и напоминали, что свободные шаманы, пусть даже такие неприятные, как ан Варр, у путевых столбов не валяются, а гильдейские стоят так дорого, что капитан Гром и дальше будет путешествовать с закрытыми глазами и с затычками в ушах.

Зиан, скучающий в проходе, увидел меня и некрасиво улыбнулся. Словно кто-то прорезал дугу на его прыщавом круглом лице. Его уныние, неприязнь к механику и злость на учителя моментом растворились в новой эмоции. Но это

была не та радость, которую испытывают от встречи с приятелем. Так ликуют грабители, зажавшие в переулке богатую добычу. Или циркачи, выходящие на помост перед зрителями.

Тело как оледенело. Очень хотелось развернуться и уйти, лишь бы не проходить по узкому коридору мимо затаившегося мерзавца. Из-за подноса мне пришлось бы хитро маневрировать, лишь бы не задеть Зиана. И ан Варр это понимал. Он улыбался, ожидая кульминации и развязки.

«Тебе придется потесниться, Эд. А это значит, что ты проиграл. Что ты выполняешь его волю».

Я прогнал гордыню прочь. Разумнее всего было заткнуть ее и пройти через пустяковое испытание. Подумаешь, ерунда какая-то, мелькнуло в голове.

«Не ерунда!»

Инструментарий чуть потеснился, пропуская меня. В его очках показалось мое отражение. Напряженное лицо, почти каменное. Угрюмый взгляд. Я и правда так выгляжу? Расслабься, Эд! Немедленно расслабься, не то он все поймет. Поймет, что ты его боишься.

«Разве?»

Чуть приподняв поднос, лишь бы не задеть Зиана, я попытался протиснуться мимо.

— Постой, юнга! — вдруг сказал шаман. — Что же ты не-сешь? Неужели с кухни прислали помои для нашей свинки?

Он покосился на инструментария, ожидая реакции на шутку. Тот неуверенно хмыкнул и чуточку сжался, мечтая юркнуть куда-нибудь в темный угол.

— Это ужин для мастера Вонка, — сказал я.

— Мне кажется, что именно это я и сказал! Дай взглянуть, чем кормят старого безумца.

Он бесцеремонно протянул руку и стянул крышку с кастрюли. Я попытался отшагнуть, но Зиан ловко вцепился свободной рукой в поднос и вонзил в меня взгляд.

— Не дергайся. Уронишь.

Затем он с заговорщицким видом посмотрел на механика, подтянул поднос к себе поближе и смачно харкнул в парящее мясо.

— Немного приправы от ан Варра. Все для любимого учителя.

Несколько мгновений я приходил в себя от шока. Поднос показался очень тяжелым, словно в слюне обсосанного любителя алого камня содержались тысячи фунтов горной породы.

— Иди уже, чего стоишь, юнга.

Лязгнула вернувшаяся на место крышка.

— Ты больной? — вырвалось у меня. Глупое, беспомощное. Мне стыдно за то, как я тогда отреагировал, но ничего лучше детского «ты больной» в тот момент не нашлось. Увы, я никогда не умел отвечать остроумными. Это талант Фарри, а не мой.

— Да брось ты, пусть откушает мяса, чего ему станется. Главное, как мне видится, чтобы он не попросил меня разжевывать ему пищу. Но пока зубы старика еще на месте. Справится, как думаешь?

Зиан посмотрел на инструментарию, надеясь, что его искрометная шутка не прошла незамеченной.

— Надо идти, — буркнул тот. — Срочно.

Он, мысленно давно уже просчитавший каждый шаг до ближайшей двери, рванулся с места и быстро скрылся в одном из подсобных помещений, впустив в коридор лязг машин.

— Струсил, — сам себе прокомментировал это Зиан. Взгляд шамана блуждал под действием алого камня. Он катал наркотик во рту, пытаясь вспомнить имя безвестного механика, и совсем не думал обо мне, а я боролся с закипающим внутри гневом. Не надо обзаводиться врагами так скоро. Не надо!

«Ты не сможешь. Ты везде найдешь себе неприятности, Эд. И кто-нибудь непременно пострадает. Непременно!»

От него несло давно не мытым телом. Запах перебивал даже привычный для третьей палубы смрад энгу и ее смесей. Он вонял даже больше, чем инструментарию.

— Ты чего творишь? — вырвалось у меня. Разум пал на колени, пораженный возмущением и гневом. Логика отступила.

Он с недоумением посмотрел на меня, затем на оскверненный котелок с мясом, но промолчал, искренне не понимая моего возмущения.

— Я говорю, чего ты творишь?! Это ужин мастера ан Вонка!

Зиан опять не произнес ни слова, бессмысленно улыба-

ясь. Шаркуний сосатель камня! Хотелось сказать ему что-нибудь обидное, злое, пробудить совесть, если она у него вообще есть. Где-то на краю сознания я понимал: никто не поверит в то, что Зиан плюнул в ужин учителю. И уж тем более сам добряк Балиар не поверит. Свидетель-инструментарий рисковать не станет и затеряется среди собратьев, так что я никогда не узнаю, кто он вообще был.

Я стоял в коридоре, держа поднос с испорченным мясом, и пытался придумать, как быть дальше. На миг во мне появилась мысль, что пусть сами разбираются друг с другом. Мое дело — отнести ужин. Что там с ним сделают по дороге — не суть важно. Пусть хоть яд сыплют, какая мне разница?

Но эта слабость жила во мне только один миг. Может быть, лучше всего ей было и победить, не знаю. Потому что в следующие несколько минут мною безраздельно владел гнев.

— Совсем ум потерял, камнесос поганый, — прошипел я и ткнул Зиану подносом в грудь. Тот опешил, распахнул глаза в изумлении. Кастрюлька перевернулась, и парящее мясо с бульоном пролилось ему на одежду.

Вскинув руки, ан Варр уставился на то, как по его дорогой шубе стекает жир. Потом поднял взгляд на меня.

— Ой, простите, — процедил я и нагло встретил его взор.

— Я это так не оставлю, запомни.

Блуждающий взгляд сосателя прояснился.

— Понял, палубник? Ты зря так поступил. — Зиан приоткрыл рот, показав гниющие зубы. — Очень зря.

— В следующий раз будешь думать, прежде... — не мог смолчать я.

Ученик шамана подался вперед и попытался достать меня кулаком, но я легко угадал его движение, отшатнулся и в свою очередь приложил его в скулу. Не больно, но обидно. Слишком не больно. Руки чесались страшно, честное слово. Хотелось размазать недоноска по коридору. Накопленная за последние два месяца ненависть рвалась наружу, словно получив единственный шанс.

«Помни об Эльме. Ты же не хочешь стать таким же?»

— Ах ты, шаркуний выродец! — взвыл Зиан и отпрянул. — Поганая шавка!

Я неторопливо поднял поднос с кастрюлей и пожал плечами, буркнув:

— Зато у меня хотя бы мозги имеются!

Он услышал это сквозь гул двигателей и заскрипел зубами, а я, наслаждаясь его обидой и возмущением, зашагал по коридору в сторону трапа. Ноги и руки потряхивало лихорадочной драки, но я знал, что ухожу победителем.

— Я этого так не оставлю, палубник. Ой, не оставлю, — прошипел мне в спину Зиан. Он скрестил на груди дрожащие руки и тщетно пытался успокоиться. Уголок его рта предательски подергивался.

— Напугал льва морозом, — сорвалось с моих губ.

И тут мне в шею что-то противно шлепнулось, отчего по телу пробежали отвратительные мурашки. Меткий гад умудрился забросить мне за шиворот жирный кусок мяса. Мерзкий, царапающий кожу налипшей грязью. Я обернулся, отбросил в сторону поднос и двинулся к прищурившемуся Зиану.

Он не проронил ни слова. Он попытался закрыться от моих ударов, но ни разу не атаковал. Я понял почему, лишь когда услышал удивленный старческий возглас:

— Что здесь происходит?

На пороге своей каюты стоял Балиар ан Вонк с фонарем в руке. Добродушное лицо пожилого шамана вытянулось от изумления. Он переводил взгляд то на разбрызганный ужин, то на меня, прижавшего Зиана к стене.

— Я и сам хотел бы это знать, учитель! — сказал ан Варр. Он отстранился от меня, повернулся к шаману лицом и развел руками. — Посмотрите, что он сделал с моей шубой?

Гнев во мне сошел на нет, лишив сил и разума. Я понял, что потерял инициативу, что погорячился. Осознал, что никто не услышит моей жалобы на то, что ужин был безнадежно испорчен плевком Зиана. Мало того, меня скорее всего еще и осудят, посчитав за ябеду. Вместо этого я угрюмо стиснул челюсти и встретил осуждающий взор старого шамана.

— Все не так, как выглядит, — жалко проговорил я и заткнулся.

— Я не хочу разбираться в этом, я видел то, что видел, и не видел того, что было до этого, — сказал старик. — Но ты, малыш, знаешь законы «Звездочки».

Он смотрел на меня, ожидая реакции, и я покорно кивнул, понимая, что меня ждет.

Глава вторая ВОЗМЕЗДИЕ

Капитан Аргаст Дувал был крепким мужчиной, едва перевалившим за четвертый десяток и собиравшимся бороздить Пустыню еще лет двадцать как минимум. Владелец пышной черной бороды, сросшихся на переносице густых бровей и усталого взгляда холодных серых глаз отличался глубоким басом, суровостью нрава и звериной осторожностью. Любитель хорошо выпить во время скучных будней, сегодня он еще был трезв и только собирался запереться у себя в каюте и насладиться настойкой, но его планы рухнули, когда старый шаман поднялся со мною и Зианом в пристройку на верхней палубе и бесцеремонно вошел в покои капитана. Из своего угла на шум выглянул стюард Дувала рябой Кунни, но тут же исчез за ширмочкой, едва поймал недовольный взгляд хозяина.

Развалившись в богато украшенном кресле, капитан Гром с сомнением смотрел на меня и Зиана. Инцидент чуть скрасил серые будни, но радости не прибавил. Хозяин «Звездочки» почти не скрывал своей неприязни к ученику шамана, но при этом сдерживался от открытого одобрения моего поступка. Выслушав рассказ Зиана о том, как юнга толкнул подносом преданного ученика почтенного Балиара, а потом и вовсе набросился на добропорядочного ан Варра с кулаками, капитан спросил мою версию, и тут меня как заморозило. Я молчал, насупившись и опустив взгляд. Лишь кулаки сжимал да мечтал, чтобы этот момент поскорее завершился, чтобы он остался в прошлом.

Что я мог тогда сказать? Ничего. Лишь признаться в собственном гневе.

«А ведь это он и был, малыш. Именно гнев».

Капитану пришлось повторить свой вопрос ко мне трижды, прежде чем я выдал из себя:

— Вспылил. Виноват.

Зиан при моих словах победно улыбнулся.

Аргаст Дувал переводил взгляд с меня на Зиана, и чувствовалось, как в голове капитана неохотно крутятся мысли. Около минуты он молчал, размышляя. Никто не посмел прерывать затянувшуюся паузу.

— Даже не знаю, что с вами делать, промерзлое вы мясо.

— Закон показывает... — заговорил Зиан.

— Закрой свою пасть, — поморщился Аргаст. — А не то я подтащу тебя, оледеневшее ты дерьмо, поближе и посмотрю внимательно в заплывшие глазенки. Как думаешь, что я там увижу?

Молодой шаман побледнел от возмущения и быстро склонил голову, чтобы не выдать себя. Розоватые следы алого камня, отличающие поклонников этого наркотика, еще не растворились, и Зиан об этом знал. Гром несколько секунд буравил его взбешенным взглядом, а затем посмотрел на меня.

— Теперь ты, мясо. Третий пункт корабельного закона гласит: поднявший руку на товарища по команде должен быть наказан десятью ударами плети перед всей командой. Ты должен был ознакомиться с кодексом, когда тебя брали на борт. Надеюсь, ознакомился?

Честно говоря, я этого совсем не помнил. Мы лишь поставили подписи там, где указал боцман. Так сложились обстоятельства, что первой целью было сбежать из Снежной Шапки. Все остальное казалось несущественным.

Однако я торопливо кивнул, лишь бы не злить бородатого корсара.

— Хорошо. Так вот, все мордобойные споры пусть разрешаются в портовых кабаках, будь они прокляты, а не на борту «Звездочки». Там хоть поубивайте друг друга, а в походе — гребаный закон есть гребаный закон. Понял меня, шаркунье ты мясо?

— Да, капитан!

— Балиар! — не отрывая от меня взгляда, рыкнул Аргаст.

Старик Балиар ан Вонк улыбался и качал головой, совсем не слушая капитана. В мыслях он был где-то далеко,

— Балиар, старая ты корова, слышишь меня?

Шаман вынырнул из забытья и воззрился на Дувала. Тот поиграл желваками и, стараясь говорить спокойно, спросил:

— Ты точно видел, как этот сопляк метелил твоего ученика?

— А? Что? Да-да, конечно, — подслеповато шурясь, закивал шаман. — Посмотри на его шубу, Аргаст.

Дувал с трудом удержался от улыбки.

— Значит, завтра днем получишь то, чего заслуживаешь, мясо, — громыхнул Аргаст.

Я молчал, исподлобья оглядывая его богатую каюту. Здесь было уютно и просторно. На стенах красовалось разнообразное оружие — от дальнобоев разных видов, копий, гарпунов и алебард до узких клинков и массивных боевых ножей. У окна (самого большого из тех, что я видел на корабле), за которым во льды садилось солнце, висела пара картин. А за закаленным стеклом, с тройной рамой, виднелся купол носовой рубки и фигура дежурного рулевого.

Справа от меня стоял Зиан с ледяным выражением лица, и его вид без слов говорил, что история с ним не закончится капитанской карой. Что меня ждет много чудесного в ближайшем будущем. Признаюсь, это были неуютные мысли. Но на краткий миг справедливость восторжествовала, пусть и стоила мне десяти плетей.

Десять плетей. Наверное, это будет больно. По спине пробежали мурашки.

— А теперь выметайтесь отсюда и дайте мне отдохнуть, — подытожил капитан и пошевелился в кресле, посмотрев в сторону шкафа с запечатанными кувшинами. — Мне, ломаные траки, надо подумать. Кунни, тащи сюда карты!

В проходе мы с Зианом столкнулись плечами, и ученик шамана чуть слышно произнес:

— Жди.

Он протиснулся в проем и торопливо зашагал по коридору прочь от каюты Дувала. Я задержался у двери и почувствовал легкую руку Балиара на своем плече.

— Принесите мне мой ужин еще раз, молодой человек. Если вам, конечно, не трудно, — сказал улыбающийся ша-

ман. — И прошу вас, уберите, что там разлилось. Сами понимаете, запах. Он мешает моей работе.

— Хорошо, мастер ан Вонк, — сказал я и пошел к трапу на вторую палубу. Запах? Да там, на нижнем уровне, так воняло смесями энгу и парами различных зелий инструментариев, что несколько кусков мяса погоды не сделают. Даже если сгниют!

Запах, тоже мне...

Я побрел на кухню.

Здесь, на борту ледохода, не было определенного времени для еды. Чаны с варевом стояли на медленном огне все то время, пока бодрствовал мастер Айз. Но всегда была вероятность того, что в похлебке не останется кусков мяса и придется довольствоваться бульоном. Так что большая часть команды торопилась на ужин сразу после того как раздавался сигнал кока. Толстяк брал в руки тяжелый стержень и со всей мочи колотил по болтающемуся рядом с ним рельсу. Заветный ляг быстро растекался по второй палубе. На штурмовую же, к абордажникам, спешил с вестью тот несчастный, кого занесло на камбуз первым. Механиков, отдыхающих вокруг кухни, кок никогда не трогал.

Столовая у вотчины Айза делилась на две части — общую и крошечную офицерскую, сокрытую потасканной ширмой. Когда я вошел в обитель кока, ткань в командирском уголке была отодвинута в сторону, и я заметил сразу двух офицеров, склонившихся над мисками. Обмениваясь скупыми фразами, они уничтожали ужин, словно выполняя некую повинность, которую нужно сделать быстро и качественно.

— Ты долго, — заметил толстяк, когда я оказался около плит.

— Я разлил ужин. — В принципе это была правда. Делиться всей историей я не хотел. Завтра команда и так узнает о происшедшем. — Споткнулся... Шаман попросил повторить.

— Раззява, — скучаяще и снисходительно отметил Айз. — Выдрать бы тебя, по-хорошему. Сейчас посмотрю, осталось ли что...

Я промолчал, глядя, как он открыл крышку одного из чанов и принялся вылавливать в нем куски мяса. Судя по

тому, что возился кок приличное время, их осталось не так-то много.

У меня из головы не шла последняя фраза Зиана. Глупо было надеяться, что молодой шаман оставит меня в покое или что в нем иссякло воображение на гадости. Скорее всего, тщедушный ан Варр бросится к своим дружкам, жаловаться. И даже если Волку и Сиплому, офицерам абордажной команды, не захочется тратить свое время на новенького юнгу, у Зиана есть самый важный козырь: алый камень, ради которого головорезы пойдут на все.

Миска с мясом стукнулась о стойку, привлекая мое внимание. Айз внимательно посмотрел мне в глаза:

— В этот раз не *пролей*.

Он так выделил это слово, что я вспыхнул от возмущения. Добродушный кок был убежден, что ароматное мясо осело у меня в желудке, а не погибло в грязи нижней палубы.

— Зря я тебя отправил голодным, юнга Эд. Моя вина. Будет урок.

Едва сдержавшись, чтобы не начать оправдываться, я развернулся и двинулся к трапу, проклиная про себя этот явно неудачный день и мечтая, чтобы поскорее наступило завтра, когда капитан объявит о наказании и хотя бы это сотрет из души Айза противную жалость ко мне.

Но перед тем как я ушел, в офицерской столовой произошло нечто странное. Нечто, чему я не мог дать объяснения. Один из офицеров, лейтенант абордажников по прозвищу Старик, швырнул свою миску в лицо сотрапезника.

Первый помощник капитана Мертвец моргнул, стряхивая с ресниц жирные капли, на пару мгновений его взгляд остекленел, но затем вернул привычную невозмутимость, и седовласый моряк с вечно ехидно-равнодушными глазами продолжил ужин, будто ничего не произошло. Плечистый Старик, едва сдерживаясь от ругани, вскочил на ноги, бросил гневный взгляд на меня — и я поспешил ретироваться, пока абордажник не сорвал свой гнев на нерасторопном юнге.

О происшедшем я быстро забыл. Мне было о чем подумать и без этого странного случая. Меня ждали перемены.

Удивительно, но в те долгие часы перед наказанием я больше всего переживал за то, что обо мне подумал мастер Айз. Вместо того чтобы ждать в темных закутках оскалов Волка и

Сиплого или бояться неумолимой кары, я вел про себя воображаемый диалог с коком, убеждая его в том, что он ошибся. Что это унизительно, когда про тебя так думают. Что нельзя судить человека так сразу.

Мне грозили десять плетей и месть старших офицеров, а я переживал о том, что обо мне подумал кок. Странно. Но так оно и было.

— Ты сумасшедший, Эд, — сказал мне Фарри, когда вечером мы залегли на свои топчаны и разговорились. Ночная вахта нам в тот раз не грозила, и потому мы могли спокойно поболтать, пока нас не сморит сон. К сожалению, это случилось не так часто, как хотелось. Старшие офицеры всегда находили работу для юнг, считая, что таким образом мы быстрее станем частью команды и наберем необходимого опыта.

После того как «Звездочка» ушла в поход, общий зал переменялся. В нем появилось несколько десятков перегородок, призванных удержать драгоценное тепло. В какие-то закутки нужно было заходить нагнувшись, настолько низко спустили потолочные плиты. Некоторые и вовсе закрыли. Лабиринт тесных комнатушек-коробок, отделенных друг от друга переборками, крутился вокруг четырех боковых печей и одной центральной. Тепла нам хватало, и порою за ночь не сгорала и половина отведенной для отопления энгу.

В нашу каморку, расположенную по прямой от главной печи, даже попадал свет от пламени. И сейчас я лежал на спине, а на темном металле низкого потолка плясали отраженные огоньки «кабака». Если повернуться на правый бок, можно было разглядеть нацарапанные на переборке послания неведомых мне моряков. Одна запись особенно запала в душу. «Я выберусь», — аккуратными буквами вывел неизвестный корсар. В этих двух словах была невероятная сила. Они врезались в память на всю жизнь.

Но сейчас, повторяюсь, я смотрел в потолок и слышал возбужденный голос Шона да ехидные комментарии моряка по имени Сабля. Слов его с наших лежачков было не разобрать, но интонации светловолосого матроса узнавались на раз-два. Резкий моряк был родом откуда-то с юга и нередко по делу и без задирал то одного, то другого соратника. В нем странным образом уживалась ненависть к людям и страх пе-

ред ними. В глазах вечно плескались вызов и готовность влезть в драку по любому поводу. Но он бравировал, успешно скрывал свою неуверенность в себе и даже не догадывался, что его тайна уже известна новенькому юнге-эмпату.

Снаружи мороз грыз борта корабля, тщетно пытаюсь прорваться внутрь. Ветер завывал над раскачивающимися мачтовыми фонарями, бился секущей метелью о стальные листы зачарованной обшивки и надеялся прорваться к людям. Так хорошо, когда безумный холод остается по ту сторону стен. Кстати, одним из открытий для меня стало, что такие ледоходы, как «Звездочка», — это не просто железные коробки на гусеницах. О, сколько всего скрывалось под броней ледовых кораблей. Например, многослойные листы обшивки, между пластинами которой попадались то пустоты, то забитые колючей тканью щели. Вдоль них шли тамбуры, где едва-едва работала система общего отопления. Но этот прохладный воздух защищал от мороза сами каюты, где в основном топили небольшими печками. На храмовом ледоходе Кассин-Онга, оставшемся в прошлом, таких ухищрений не было.

Со стороны все кажется проще и понятнее, а когда ты оказываешься частью ледохода, когда он становится обыденностью — узнаешь много нового. Как-то раз мне довелось помогать вытаскивать какой-то старый механизм на палубе инструментариев. Лопнувшая пружина титанического размера, которую два дня меняли чумазные техники. Кто-то из механиков, глядя на мое изумление, снисходительно сказал тогда:

— Не будет ее — корабль станет ходить по льду как старое корыто, и вы тут все заблюете. Я видел, я знаю.

Я лишь покачал головой, не веря. Трясло и так знатно. Первые пару дней, пока мы шли к месту встречи, еда в горло действительно не лезла. Хотя после стало проще. Может, действительно дело было в пружине?

— Напасть на Зиана.... Ну ты просто огонь! — вновь выдернул меня из теплых размышлений Фарри.

— А что мне было делать?! — Под тяжелым одеялом меня разморило. Голоса моряков у «кабака» усыпляли.

— Ну я не знаю, Эд! Вариантов можно придумать предостаточно! А ты выбрал самый сомнительный из них. Хотя что я говорю! Ты же его и убить мог, ведь правда? Выследить и жестоко покарать, хе-хе.

Я повернулся на бок и пожал плечами, понимая, что Фарри не увидит равнодушного жеста. Намека на смерть Головача сложно было не заметить, но такие вещи лучше пропускать мимо ушей. Что случилось — того уже не изменишь. Хотя если бы время обернулось вспять — я поступил бы так же.

— Уходить с корабля надо, Эд, пока ты еще во что-нибудь не ввязался, — прошептал мой друг. — Мы только время тее-ряем!

— В Пустыню уходить? — Мне не удалось сдержать скепсиса.

Фарри засопел.

— Ну, не в Пустыню, конечно. В ближайшем городе! Просто пока мы тут катаемся, ты себе опять врагов заведешь! Ты же умеешь ими обрастать.

— Ты не знаешь, что происходит между Мертвецом и Стариком? — Я попытался сменить тему.

— А что такое?

Пришлось поведать ему о той сцене, которую я увидел на кухне.

— Ого! — восторженно зашептал Фарри. Он, как человек общительный и любопытный, обожал поковыряться в таких историях. Юнга быстро сошелся почти со всеми моряками палубной команды. Среди его знакомых числились и ледовые штурмовики и механики. Рыжеволосый, улыбчивый мальчуган постепенно становился вселюбимым сыном «Звездочки». И в то же время вряд ли кто-то, кроме меня, знал о том, как сильно Фарри хочет продолжить наше путешествие в Барроухельм, а не ходить в команде ледовых корсаров по Пустыне.

— Так знаешь что-то об этом?

— Старик и Мертвец друг друга недолюбливают, это всем известно. Но чтобы так вот, прилюдно... Завтра поспрашиваю ребят с верхней палубы, может, знают чего. Ой, как интересно-то! Чего же не поделили они, как думаешь?

Я промолчал. Размолвка офицеров волновала меня в последнюю очередь. Зато Фарри отвлекся от обсуждения моего сегодняшнего срыва.

Интересно, это будет очень больно?

— Мастер Айз теперь думает, что я съел ужин шамана, — поделился я наболевшим. Фарри мигнул пару раз удивленно и расплылся в недоуменной улыбке:

— А тебе не все ли равно, что думает о тебе какой-то кок?

— Обидно, знаешь ли. Неприятно, когда о тебе могут подумать так плохо.

Мой друг тяжело вздохнул и неожиданно серьезно проговорил:

— Когда я путешествовал с цирком Аниджи — у нас в труппе был фокусник один. Он почти ни с кем никогда не разговаривал, но однажды во время истории... все равно какой истории... сказал мне — если хочешь жить счастливо, никогда не ищи одобрения других людей. Есть только боги — и ты. Остальное преходяще.

— И ты с этим согласен?

Фарри помолчал, а потом буркнул:

— Давай спать уже! А то наговоримся сейчас до кошмаров. Тебе предстоит несколько непростых дней, пока будет заживать спина. Уверен, Половой тебя жалеть не станет.

Он нырнул с головой под грязное одеяло и почти моментально засопел. Я с тяжелым вздохом перевернулся на спину, чувствуя неровности жесткого лежака. Поерзал.

Да, наверное, будет очень больно...

— Вы должны помнить, сучьи вы дети, что вы — команда! — громыхал Дувал. — Гребаная команда, а не шайка оледеневших на голову бандитов! Я не потерплю у себя на борту ваших вакханалий! Закон один для всех!

Лавки и почти все столы, кроме одного, оттащили к стенам, чтобы освободить площадку. Также механики повесили побольше фонарей на стропила, и непривычно яркий свет с потолка заставлял щуриться, словно солнце застало тебя посреди Пустыни.

Экипаж «Звездочки» распределился вдоль стен и терпеливо ждал начала, а я пытался понять, кто из инструментариев видел происшедшее на нижней палубе. Мне хотелось попробовать его чувства. Но либо он не пришел на мое наказание, либо никаких сожалений не испытывал. В последнее я мог поверить. Зачем думать о каком-то палубнике. Это же недолюди, как известно всем на борту.

Я стоял в центре зала, рядом с капитаном и его помощником, и чувствовал заинтересованные взгляды призванных зрителей. Они догадывались, что сейчас будет, и им, как мне показалось, было плевать, чем все закончится. Зато всем им хотелось знать — за что здесь оказался юнга.

В руках Мертвеца безвольно болталась плетка. Я посмотрел на нее, затем отыскал в толпе Фарри. Приятель ободрающе улыбнулся и поднял на уровень глаз сжатые кулаки. Держись, мол, добрый Эд ан Бауди.

За спиной Фарри стоял Половой и задумчиво поглаживал изуродованную глазницу.

— Вызываю Зиана ан Варра. Выходи! — сказал Гром.

Тщедушный шаман отлепился от стенки, у которой о чем-то тихо переговаривался с дружками. Я чувствовал их злые мысли. Коренастый бритоголовый Волк кривился, отчего шрам, пересекающий все лицо, бледнел. Его маленькие глазки не отрывались от меня, и в них жила слащавая ярость. Он представлял, что со мною сделает. Его тень — Сиплый, здоровяк футов шести ростом с пышной белой шевелюрой, спадающей ему на широкие плечи, — скрестил на груди руки, с насмешкой оглядывая инструментариев.

— Твои обвинения, Зиан!

— Он ударил меня! — громко сказал ученик шамана и обернулся, чтобы показать всем синяк под глазом. — Ударил несколько раз! Сначала вылил на меня ужин уважаемого Балиара, а потом и вовсе обезумел!

Наступила удивленная тишина. Я никому, кроме Фарри, не рассказывал о своем поступке, да и Зиан, видимо, не распространялся, так что для команды новость оказалась сюрпризом. Айз, за которым я наблюдал с того момента, как кок появился в столовой, удивленно поднял брови. Да-да, мастер Айз. А ты думал, что этот юнга просто воришка чужой еды, да? И как тебе такое?

«Нехорошо так думать, Эд».

— Я вызываю Балиара ан Вонка, — громыхнул капитан.

— Но прежде я хочу сказать, что не держу зла на малыша, — неожиданно продолжил Зиан. Он посмотрел на капитана со всем смирением, на которое был способен. — Может быть, я чем-то мог его спровоцировать на этот шаг. Я не

знаю, увы. Мне кажется, что десять плетей — это слишком жестоко. Но закон есть закон, и воля капитана священна.

Он поклонился и отошел к абордажникам.

Гром поиграл желваками и повторил:

— Я вызываю Балиара ан Вонка.

Старый шаман сидел на одной из лавок у стены, рядом с ним старались не стоять, отчего вокруг образовалось пространство. После слов Аргаста Балиар вздрогнул, посмотрел непонимающе на бородача, а затем расплылся в доброй улыбке и с кряхтеньем поднялся. Вся команда пристально проследила за тем, как шаман, прихрамывая, вышел в центр.

На меня ан Вонк даже не посмотрел.

— Видел ли ты то, о чем говорит твой ученик? — торжественно продолжал Дувал.

— Да-да, видел, — не перестал улыбаться старик. — Ох, удивительный был вечер. Я читал дневники шаманов Девятки, когда вдруг подумал о...

— Видел ли ты то, о чем говорит твой ученик? — недовольно повторил капитан.

— А? Простите? Ах да! Ну да, я же сказал, да! — вынырнул из своего мирка шаман. Гром сухо кашлянул, поджав губы. Обвел молчащую команду взглядом, неторопливо поворачиваясь на каблуках.

— Вы все слышали. Вы все должны были понять, если у вас еще не замерзли последние мозги. Меня не интересуют причины. Меня не интересуют ваши гребаные интересы в таких ситуациях. Закон един для всех! Юнга Эд Бауди приговаривается к десяти плетям за то, что поднял руку на товарища. Пусть это будет уроком для всех вас, выкормыши Темного бога! Никто на борту достоправной «Звездочки» не смеет поднимать руку на члена команды!

Он выдержал паузу, вслушиваясь в молчание. Никто не произнес ни слова, хотя мне послышалось недовольное бурчание со стороны палубников.

— Мертвец, приступай.

Первый помощник кивнул и взмахнул рукой, в которой была зажата плеть.

— На стол, — бесцветно произнес он.

В нем не было ничего. Пустота. Я сразу вспомнил проклятого Черного капитана, с которым столкнулся несколько ме-

сяцев назад. Человек с мертвой душой. Монстр. Неужели Мертвец из них? Но как такое может случиться? Как простой моряк с обычного пиратского шаппа может оказаться мифологическим чудовищем Пустыни?

— Прервите меня, если я ошибаюсь. Но неужели хоть кто-то верит в то, что малец действительно просто так набросился на этого оледеневшего камнесоса? — вдруг сказал кто-то из толпы. — Ну-ка, ну-ка, поднимите руки, кто искренне в это верит.

Сиплый дернулся было поднять руку, но его грубо одернул Волк. Больше никто не пошевелился.

Все стихло. Абордажники скалились, снисходительно поглядывая на молчащих моряков палубной и технической команд. Самих штурмовиков Зиан никогда не задирали, и проблемы «низших народов» обитателей первой палубы не касались. Однако у говорившего оказалось свое мнение.

Гром молчал от возмущения, собираясь с силами для ответа наглему. Я удивленно посмотрел на вышедшего из толпы абордажника в красных кожаных одеждах с черной меховой оторочкой. Буран. Темноволосый, крепкий, похожий на героев древности, каждый день волевым решением сметающих с лица Пустыни десятки врагов. Пристальный, пронизывающий взгляд штурмовика скользнул по собравшимся, на губах играла насмешливая улыбка. Неожиданная поддержка.

— Буран, закрыл бы ты свою пасть, — раздался голос Старика. — Вздумал оспаривать приказ капитана? Хочешь провести следующую неделю во льдах?

— Эй-эй-эй! Не так шустро, командир, — вскинул руки улыбающийся Буран. — Давайте не станем искать в глубинах наших темненьких душ самые черные пятна. Они там есть, бесспорно, но я бы не хотел распространяться об этом сейчас, прилюдно. Кто знает, может, потом на мне повиснет ответственность за чьи-нибудь плохие сны и снежное безумие... Я даже...

— Чего ты хочешь, Буран? — оборвал его Старик. — Избавь нас от своей болтовни.

— Ничего такого, ваше старшинство. Я всего лишь создаю необходимый шум. Кто-то же должен это сделать! А то стоят и молчат, как стадо оленей на пастбище. Мы же на

сходке. Надо порицать, надо шуметь. Покрикивать там, мол, давай, Мертвец, всыпь ему. Это ведь не запрещено корсарским кодексом. Или запрещено хлопать в ладоши? Я вот хотел похлопать в ладошки — ведь наконец-то среди палубных шаркунов нашелся хоть кто-то с яйцами.

Абордажник пристально посмотрел в лицо командиру и демонстративно захлопал. Затем напустил на себя серьезный вид, шутливо поклонился и с чувством выполненного долга добавил:

— А теперь порите его, нещадно. Со страстью и рвением, как умеет наш первый помощник!

Мертвец невозмутимо перевел взгляд на капитана. В столовой повисла напряженная тишина.

— Ты не заболтался ли, Буранчик? — проговорил Половой.

Что-то зло произнес Сабля, приободренный словами старшего матроса.

— Заткнулись все, — вмешался Гром. — Старик, мне кажется, что твои ребята стали чувствовать себя слишком вольготно.

— Я разберусь, капитан, — буркнул разъяренный командир абордажной команды. Хотя уверенности в душе воина было поменьше, чем в голосе. Буран, известный на корабле за острый язык и непомерную храбрость, был Неприкасаемым. Воспитанником могущественного ордена воинов, оказавшимся волею судьбы в составе пиратской команды. Такому, как он, ничего не стоит спустить шкуру со Старика и обоих штурмовых офицеров разом. Никто не способен сравниться в драке с Неприкасаемыми. Капитан очень гордился тем, что у него на борту сразу два элитных бойца — Буран и его друг по ордену, молчаливый и мрачный Торос, всегда и везде поддерживающий товарища. Даже сейчас он выдвинулся из толпы и стоял, угрюмо встречая взгляды моряков. Но не хлопал.

— Ты стал слишком болтлив, Буран, — наконец проговорил Дувал. — Мне кажется, твой язык начинает мешать тебе.

— Я ничего не нарушил, капитан! Всем людям, кто ушами слушает, а глазами смотрит, известны повадки малыша ан Варра.

— Закрой наконец свой поганный рот, — рявкнул Старик.

— Шестнадцатый пункт закона гласит: порицающий члена команды, если он не офицер, должен получить две плети. В пункте есть исключения, но тебя они не касаются, — прогудел Мертвец. Капитан Гром лишь кивнул, подтверждая его слова.

Буран после слов первого помощника сдернул с себя алуую куртку на меху, бросил ее на пол, затем стянул через голову рубаху, обнажив покрытый шрамами торс, и подошел к первому помощнику с широкой улыбкой.

— Ну и цены у вас, — осклабился он.

Послышались смешки со стороны штурмовиков, и я увидел, как дернулось веко услышавшего это капитана.

— Подожди своей очереди, — отстраненно сообщил Бурану Мертвец и уставился на меня.

— На стол.

Я вскарабкался наверх и поудобнее устроился, подставив спину под плеть. Заступничество Неприкасаемого почти прогнало страх перед наказанием. Теперь, после такой поддержки, я был уверен, что выдержу любые пытки.

А затем Мертвец ударил, и в глазах потемнело. До крови прокусив губы, я только вздохнул, удерживая в груди крик. Как же больно! Мне показалось, что первый помощник просто разрезал мою спину.

— Один, — скучаяще сообщил палач.

Второй удар был больнее предыдущего. Я выгнулся, вцепившись руками в стол. Мне казалось, что так будет легче, проще. Что если я буду держаться за края — это поможет. Дали бы волю, я вгрызся бы в него зубами. Спину жгло огнем, причем пламя не утихало, а после каждого удара разгоралось все жарче, проникая во внутренности.

Мертвец комментировал каждое падение плети равнодушным счетом.

— Три.

Слезы брызнули из глаз, но я не вскрикнул. Кричать нельзя. Никак нельзя. Иначе они услышат.

— Четыре.

Ни Волк, ни Сиплый, ни тем более Зиан не должны слышать моих криков. Молчи, Эд. Молчи. Светлый бог, как же больно! Как больно! Мне показалось, будто в раны, оставшиеся после удара плетью, щедро насыпали соли и теперь едкие

крошки растворяются в крови. Сердце заходило в истошном танце и подкатывало к горлу.

— Пять.

На девятом ударе я провалился ненадолго в темноту, но, к сожалению, вынырнул оттуда, чтобы получить десятый.

Меня подхватили чьи-то руки, стащили со стола, за который я цеплялся, словно от этого зависела моя жизнь. Я старался пошевелиться, старался хотя бы двинуть ногами, но весь мой мир оказался иссеченной до крови спиной. В ушах шумело, перед глазами плыли черно-алые пятна. Что-то теплое стекало мне в штаны, и кто-то нес меня прочь из столовой. Последнее, что я услышал в ней, был хлесткий удар плети и веселый возглас Бурана:

— Ну кто так бьет? Кто так бьет-то? Даже этого не умеешь!

Команда не смеялась. Никто не проронил ни звука.

Потом я ненадолго отключился, а когда пришел в себя, почувствовал на спине приятную прохладу. Верх наслаждения, особенно яркого после той обжигающей боли, впечатавшейся в мою память навечно.

«Она вернется, Эд. Она обязательно вернется».

Я осторожно вдохнул, стараясь не шевелиться. В ноздри тут же ударил крепкий запах энгу и каких-то отваров. Разлепив глаза, я понял, что лежу на животе в комнате шамана, а сам старик стоит надо мною и мечтательно улыбается. Он чему-то радовался. Чему-то, только что свершенному.

— Ну как ты, драчунишка? — Балиар увидел, что я очнулся. Посмотрел на мою спину и улыбнулся еще шире.

— Ах, как прекрасно вышло, да?

Он провел холодными пальцами по моей спине, и я весь сжался, приготовившись к жуткой боли, а затем в изумлении уставился на счастливого старика. Ничего не болело! Ничего!

— Капитан разрешил старику попробовать! — тоном победителя сообщил Балиар. — И у старика получилось, ахха! Я смог это сделать! Я должен это записать!

Он вздрогнул, будто вспомнил нечто важное, и поспешил к столу, бормоча что-то себе под нос, а я осторожно поменял

положение, ожидая резкой боли от ран на спине, и поднялся с лежака.

Ничего. Лишь немного чесались те места, куда несколько минут назад обрушивались удары плети. Не веря в происшедшее, я повел руками, наклонился из стороны в сторону.

— Я много работал, мальчик. И у меня получилось! — заметил мое удивление старик.

— Не могу поверить, — уныло проговорил человек, которого я и не заметил. Он сидел на стульчике в темном углу каюты, рядом со столом, заваленным книгами и пузырьками, и печально смотрел на меня. Доктор Кван собственной персоной. Уголки его губ вечно тянулись вниз, отчего казалось, будто он вот-вот расплчется. Даже в редкие моменты радости — они лишь приподнимались ненадолго и сдавались, не в силах побороть уныние лекаря. — Не могу поверить в это, Балиар!

— Поверь! Это многое изменит! Многое!

Доктор, вид которого и в хорошие-то дни вызывал уныние и апатию, сейчас выглядел как человек, услышавший свой смертный приговор и понявший, что в исполнение его поведут немедленно и неумолимо.

— Никто не умеет затягивать раны! Шаманам неподвластна живая материя, это закон природы. Так повелел Светлый бог, и Темный собрат его поддержал. Это неправильно, Балиар. Этого не может быть!

— Ты так считаешь? — Шаман обернулся на доктора. — Тогда как ты это объяснишь? В летописях Девятки говорилось и о более глобальных вещах! Это только начало.

— Мне это не нравится, — тоскливо сообщил Кван. — Я не верю своим глазам. Та рана не могла затянуться так быстро! Не могла!

— Как видишь, смогла, Кван! Смогла! А теперь идите! Теперь не мешайте! — затараторил Балиар. — Я должен все записать. Должен. У меня получилось. О, старый Никрос, теперь ты будешь знать, кто лучше понимает голос силы. Ахха! Это прорыв. Я близок, о Светлый покровитель, как же я близок!

Кван с потерянным видом встал со стула, еще раз посмотрел на мою спину.

— Поразительно. Он оставит нас без работы, — горестно поделился врач. — Совсем без работы. Если заболит что-то — сразу иди ко мне.

Я оделся, наслаждаясь состоянием вне боли.

— Я не могу поверить, — уныло заметил Кван. — Не могу поверить.

Глава третья НОЧНАЯ ВАХТА

Моему скорому возвращению из лазарета удивились, но восприняли его как должное и старались не тревожить моих «ран». Но самым странным и, не скрою, приятным было то, что в течение дня ко мне то и дело подходил кто-нибудь из моряков и осторожно хлопал по плечу, выражая свое уважение. Как оказалось, Зиан успел насолить многим, и слова Бурана хоть и разозлили некоторых моряков, но попали в точку.

Я слабо улыбался в ответ и никак не мог понять, почему до меня никто не попытался поставить зарвавшегося шамана на место. Неужели это так сложно — собраться вместе и постоять за себя? Матерые рубаки Сиплый и Волк ничего не смогут сделать против десяти — двадцати моряков. Даже Неприкасаемому не так просто было бы столкнуться в схватке с такой толпой, что уж говорить о каких-то штурмовиках.

Тогда я еще не знал, как устроена жизнь, и что даже один мерзавец способен победить десятерых противников, если каждый из них будет делать вид, будто его-то возникшая проблема точно не касается.

И только когда беда доберется до последнего — в душе того появится тень сожаления: мол, чего же ты раньше отсиживался.

Но в целом день прошел спокойно. Половой старался меня работой не загружать, опасаясь за мою спину, но ближе к вечеру осмелел. Или же уточнил у доктора Квана мое состояние. В любом случае до того, как рельс пробил отбой, старший матрос никак меня не замечал, позволив почти весь день валять дурака.

Вечером же, когда я готовился ко сну, Половой подошел

ко мне и присел на корточки рядом, поглаживая свой жуткий шрам. Я машинально нащупал под одеждами компас, убедился, что тот на месте, и с ожиданием воззрился на старшего матроса. Фарри, с прищуром подозрения, тоже следил за грубым лицом Полового. Мой друг уже забрался под шкуры и с наслаждением растянулся на матрасе, предвкушая сладкие объятия сна.

— Собирайся, Лавани, — грубо сказал старший матрос.

— Чего еще? — мгновенно помрачнел Фарри. — Я позавчера в ночной был!

— Былые времена ушли. Время новых свершений. Ты же друг нашему благородному крестину, да? Тебя, кстати, тоже касается, — покосился на меня Половой.

Одноглазый понизил голос. От него пахло чем-то крепким. Вообще старшим матросам и офицерам сухой закон «Звездочки» не мешал выпивать чего-нибудь под вечер, пока капитан наслаждался обществом южных настоек. Наш палубный командир тоже своего не упускал.

— Одного его оставлять нельзя, — глухо продолжил Половой. — У меня не так много рук, чтобы спокойно выбрасывать на лед придушенного где-нибудь в темном коридоре дурачка. Дел ты наворотил, конечно, малец.

Он посмотрел на меня. Я чувствовал его неодобрение.

— Так что скажи спасибо своему приятелю, Лавани. Теперь работаете только вдвоем. И работать будете больше, чем раньше. И, надеюсь, быстрее. За недельку гадливость Зианчика сойдет на нет, надеюсь, и вернетесь к старым порядкам.

— Что нам делать на ночной вахте-то вдвоем? — буркнул Фарри. Он был прав. Ночью основная задача — это помощь впередсмотрящему, вроде мальчика на побегушках. Ну или если случится что у механиков и кто-то из них полезет на вторую палубу, чтобы найти пару лишних рук. Вот у них, у обитателей темных лабиринтов, ночью работы хватало. А у нас...

— Придумаете, — Половой покачнулся, выдав, насколько же он набрался. — При свидетелях ни Волк, ни Сиплый вас не тронут. Надеюсь на это искренне.

— Что им помешает еще и Фарри навредить? — наконец сказал я. — Может, не надо, мастер Половой?

— Собираешься оспаривать мою команду? — прищурил глаз моряк. — Я лучше знаю, что надо, а чего не надо. Так что

заступаете оба. Дежурите до рассвета, потом отоспитесь. Дел завтра будет немного.

Я кивнул. Обычно смена шла до четвертого часа. На камбузе, у плит, над рельсом висели диковинные часы, по которым и жила команда. Если до рассвета, значит, в два раза дольше. Ночка предстояла тяжелая.

Половой немного помолчал, а затем сказал то, что крутилось у него на языке:

— Зиан нормальный парень. Просто надо уметь себя поставить, юнги. И поставить, не наживая себе врагов. На моей памяти был один морячок, что тоже сцепился с Зианом на кулаках. Очень гордился собой потом. Смелый был, отчаянный. Мы тогда ходили к югу от городов Содружества. Добыча там побогаче, но и нервов тратится побольше. Погиб тот паренек при первой же вылазке. Единственный, кто погиб. Причем совершенно по-дурацки: сорвался с борта ледохода, когда с посуды вынесли последнее. Тело нашел Волк.

Мы с Фарри понимающе переглянулись. Надо же, какое совпадение.

— И ни у кого не возникло подозрений? — спросил я.

Половой фыркнул:

— Подозрения... Капитана не интересуют подозрения. Он слушает только факты. Конечно, секрета нет, как помер тот паренек. Но никто ничего не видел. А если и видели — то молчали.

Он икнул, тяжело вздохнул.

— Фух... Ты молод еще, Бауди. Слишком молод. Из тебя может получиться толк, если будешь осторожнее. И если до тебя не дотянутся лапы офицера штормовой бригады. Коротышка Яки за тебя очень просил, и ты его сильно подвел, Бауди.

— Почему, если все знают о том, что произошло, никто ничего не делает?

— Знают и догадываются — разные вещи. Когда подрастешь — поймешь. Закон на «Звездочке» — это Мертвец. То есть, конечно, капитан, по-хорошему. Но Мертвец самый справедливый из офицеров. Он не будет домысливать и рассуждать, чертов сын льдов и ветра.

— У нас на борту три поклонника алого камня! — пробурчал я, возмущенный ситуацией.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть I. СОМНЕНИЯ	5
Часть II. ОТЧАЯНИЕ.	121
Часть III. НАДЕЖДА.	237
<i>Эпilog.</i>	367